

МАРИЯ ИВАННА И ЕЕ КРЕДО.

Если бы кто-нибудь попытался сформулировать жизненное кредо Марии Ивановны Титовой, то сделать бы это не представляло особого труда, поскольку кредо было просто и умещалось в три слова: все люди сволочи.

Не возьмемся сказать, в какой момент открылась ей истина, давшая надежный ориентир в скитаниях по волнам моря житейского, но с этого момента Мария Иванна не уставала дивиться тому, как щедро дарит жизнь подтверждения сделанному ею открытию. Она находила их на улице, в транспорте, в обществе знакомых и близких: всюду, куда ни заносила ее судьба, во всем, на что ни обращала она взор свой.

-Подумайте только- говорила она, входя в кухню и обращаясь к сидевшим там родственникам- какие все-таки все сволочи! Я ходила сегодня платить коммунальные платежи, часа полтора наверное простояла. Ну что бы этой кукле сказать, что она на обеденный перерыв уходит. Тычет в какого-то мужчину, что она, мол , ему говорила, чтобы за ним не занимали, а этот мужчина пялит глаза как

баран, говорит, что ничего такого не слышал. Да она ему наверняка и не говорила ничего. Стерва!

А взять тех же самых родственников- ну не скоты ли?

Сколько она для них выкладывалась, сколько хорошего делала! А благодарность? Как же, дождешься! Правду люди говорят: заводишь детей, надеешься, что они в старости будут тебе опорой и утешением, а выходит, что им на тебя наплевать и ничего кроме хамства и неблагодарности не получаешь. Сына растила, растила, сколько в него вкладывала, а он оказался тряпкой: женился на этой мерзавке, пляшет теперь под ее дудку и мать ни во что не ставит. Э, да что говорить!...Нет, нет, вы только послушайте: вот у соседки дочка, такая приличная была девочка: музыке ее учили, и в английскую школу ходила, и в институт засунули...ну тут, конечно и блат, и репетиторы, и деньги ручьем текли...и что же? Связалась с какой-то компанией: мужики, наркотики...институт бросила....помню, все "На память Элизе" играла, мне уж эта Элиза во где сидела! А теперь такая пошла музыка- кошмар! Просто кошмар.

От родственников и знакомых гневный взор Марии Ивановны возносился к высшим, так сказать, эшелонам власти.

-Да что с простых людей спрашивать, когда в правительстве одни воры- восклицала она- Таковую страну разворовали! Эх, нет на них

Сталина- он бы им такие ваучеры задал: расстрелял бы всю эту банду, а остальным бы небо с овчинку показалось.

Нельзя сказать, что при "этой банде" Марии Иванне жилось намного хуже, чем в период правления Сталина. Скорее наоборот. Сын ее, хотя и был тряпкой, но тряпкой, стирающей пыль в какой-то фирме по продаже мебели. И делал он это, видимо, не без успеха, так как жили они, хотя и на периферии Москвы, но в трехкомнатной квартирке, имели, хоть и старенькие, но Жигули 13-й модели; были владельцами дачного участка в 70 км от Москвы, на котором стояла какая -никакая, дачка с террасой.

- Да разве же это он?!- восклицала Мария Иванна - это же все муж-покойник заработал.

И это было верно. Но *он* это поддерживал и сына растил, и строил планы, вполне даже реальные, года через два заменить старенькие Жигули на поновее, и не 13-й модели, а на восьмерку или даже девятку. Вот так.

Но главное, о чем мечтали тряпка-сын и мерзавка-жена- это отселить Марию Иванну, построив ей однокомнатную квартирку где-нибудь недалеко, но и не слишком близко от их теперешнего жилья. Но вот это уже было, действительно, мечтою, тем, что во

времена великого Сталина и в последующие периоды оттепелей и застоев, скромно именовалось "светлым будущим".

Кстати, о покойнике - муже. Был он инженером на каком-то предприятии ВПК, человеком тихим, трудягой, обладавшим большими техническими способностями, про которого его родственники говорили, что достиг бы значительно большего, если бы не мерзавка-жена, которая сделала его подкаблукчиком и своими постоянными скандалами вогнала в гроб значительно раньше положенного срока. Впрочем, здесь мужнины родственники брали на себя слишком много, ибо умер Петр Николаевич Титов от рака желудка, а в таких вопросах, как жизнь и смерть, не вольна ни Мария Иванна, ни кто другой, кроме Господа нашего, которому виднее когда, кому и от чего помирать.

Так что корни Марь Иванниной мизантропии лежали не в социальных, а, если так можно выразиться, психологических пластах. Не будь она столь агрессивна, не воспринимай себя как существо высшее, окруженное недоделками и ублюдками, с которыми не бороться надо, ибо бороться-только руки марать, но поучать, но наставлять, но презирать их....да не будь всего этого, впала бы Мария Иванна, не дай Бог, в какую-нибудь депрессию, раскисла бы, опустилась, а отсюда недалеко и

до....Но жизнь не допустила этого, жизнь влила в ее жилы возмущение и негодование, жизнь несла ее на крыльях ненависти и презрения.

Вот, например, едет она в стареньких Жигулях, и везет ее растяпачкин, которого послушать, так тошно становится.

- А зачем- говорит- мне новая машина? Эта ездит и хорошо. От машины ведь что надо ?- Чтобы она ехала, а уж сколько у нее лошадиных сил, и какую она может скорость развить- какая разница? Мы же не на гонках.

Слушает это все Мария Иванна и поднимается в ней презрение, то же презрение, что чувствовала она бывало к мужу своему- весь в него пошел: тому тоже ничего не надо было. А что эти мерзавцы- новые русские на своих Джипах, Мерседесах и как- они- еще- там называются, обгоняют, подрезают, прижимают- так это ничего, пускай так и будет! Эх, сказала бы я тебе.....Да что толку? На тебе самом эта мерзавка ездит.....Мы же не на гонках"....Да, не на гонках, но постоять-то за себя надо!

И очи Марии Ивановны горят, вены на шее надуваются, апоплексический удар (как говорили раньше) ей может быть и грозит, но депрессия- никак.

Жаль, что Мария Иванна не связала себя с правозащитным

движением. Про нее можно было сказать то же, что говорили про Карла Маркса: отсутствие любви к угнетенным с лихвой компенсировалось в ней ненавистью к угнетателям.

Так вот оно все и шло до того памятного июльского дня 1998 года.

В этот день Мария Иванна, направляясь на свою дачу, вошла в вагон электрички. Народу было довольно много, но свободные места имелись. Так, на одной из лавок расположился молодой человек, поставивший рядом портфель, а у прохода сидела какая-то женщина. Именно к этому-то полу- месту и направилась Мария Иванна. Она остановилась в проходе, строго глядя на молодого человека, который читал, не обращая на нее внимания.

- Вы может быть уберете свой портфель, чтобы другие люди тоже могли сесть- сказала Мария Иванна, и в сдержанном ее голосе чувствовалось негодование, готовое в любой момент вырваться наружу.

Молодой человек взглянул на нее, кивнул, поставил портфель на пол и продолжал читать.

Такая неожиданная капитуляция явно не входила в планы Марии Ивановны. Она села, укоризненно покачала головой и сказала довольно громко, ни к кому не обращаясь и в то же время обращаясь ко всем.

- Ведут себя так, как будто они одни в вагоне. Удивительное дело!

Молодой человек, очевидно, не расслышал суть замечания, но понял, что оно предполагает какую-то реакцию и, оторвавшись от книги, сочувственно замотал головой.

Такая реакция совсем обескуражила Марию Ивановну. Было ясно, что этот книжник не хочет или не может скрестить с ней шпагу, и она стала оглядываться в поисках более достойного противника.

Но люди в вагоне были усталые, вялые, многие дремали, и скрестить шпагу было не с кем. Правда, впереди, через две лавки сидела парочка, которая вела себя так, словно она на пляже в Майями, но дотянуться до нее было нелегко. Рядом с парочкой сидел небольшого роста мужчина, который копался в своем чемоданчике; на парочку ему было явно наплевать. Мария Иванна устало вздохнула: пусть делают, что хотят.

Поезд начал притормаживать, и мужчина с чемоданчиком замотал головой, пытаясь понять, какая остановка. Поезд затормозил, и пассажиры стали входить в вагон. Мужчина обратился к кому-то и,

видимо поняв, что это именно та остановка, которая ему нужна, опрометью бросился к выходу. И только когда двери захлопнулись, и поезд тронулся, сидевшие рядом сообразили, что чемоданчик-то остался стоять на лавке.

Пожилая женщина с сумкой, стоявшая в проходе, обратилась к парочке у окна:

-Он что же совсем вышел или покурить пошел?

Те оторвались друг от друга, но никаких вразумительных комментариев дать не могли. Женщина вздохнула, подвинула чемоданчик и села на край лавки.

Мария Иванна, издали наблюдавшая эту сцену, подумала о растяпе, чуть не проехавшем свою остановку, сказала "вот кретин" и... потеряла сознание.

В вечернем выпуске "Сегодня" Татьяна Медкова сделала длинную паузу и сказала следующее: - Трагический случай произошел сегодня в одной из подмосковных электричек.

Неизвестный человек оставил в вагоне взрывное устройство, которое сработало вскоре после того, как поезд отошел от станции

Лосиностровская. Четыре человека погибли, число пострадавших уточняется. Все они доставлены в 20-ю городскую больницу.

Президент и глава правительства выражают свои
соболезнования.....

Да, так оно все и произошло: взорвавшаяся бомба уничтожила
всех людей, сидевших на лавке и одного мужчину, стоявшего в
проходе. Стекла повывлетали, вагон загорелся, кто-то дернул ручку
стоп-крана, поезд остановился, и пассажиры бросились к выходу.

Взрывная волна подняла Марию Ивановну с сиденья, она стукнулась
головой о спинку лавки и, получив, как потом выяснилось, перелом
основания черепа, начала сползать на пол. Ее могли затоптать, или
она могла задохнуться в дыму, если бы не сидевший рядом молодой
человек, который подхватил ее на руки и вынес из горящего вагона.

На счастье Марии Ивановны он оказался медиком, и в его портфеле,
вызвавшем ее неудовольствие, нашелся бинт и кой-какие
медикаменты, нужные для оказания первой помощи.

Сам он сильно не пострадал и, будучи доставлен в больницу
вместе с Марией Ивановной, проявил о ней так много заботы, что врач
реанимационного отделения был очень удивлен узнав, что он ни
только не родственник женщины, находящейся в коматозном
состоянии, но даже не знает ее имени.

Молодой человек пришел и на следующий день справиться о
здоровье "своей пациентки", все еще не приходившей в сознание. Во

время этого визита он встретился со следователем ,который разговаривал со всеми жертвами катастрофы, находящимися в больнице. Однако молодой человек ничего не мог сообщить, поскольку читал и не обратил внимания на историю с чемоданчиком. Он высказал предположение, весьма, впрочем, маловероятное, что может быть эта пожилая дама что-нибудь знает, поскольку заметил, что она с самого начала вела себя как-то очень нервно и даже, когда села, продолжала что-то говорить, кажется, глядя в сторону злополучного купе.

Но Мария Иванна, когда наконец пришла в себя, ничем не могла помочь следствию: она вообще не помнила как, ехала в электричке, и последним ее воспоминанием было то, что она вышла из квартиры, а потом вернулась, вспомнив, что не полила цветы.

Она лежала в четырехместной палате с завязанной головой, ослабевшая, беспомощная, и если кто-нибудь сумел бы заглянуть к ней в душу, то обнаружил там вещь странную и совершенно ей не свойственную- покой. Да, душа Марии Ивановны была спокойна: она больше не рвалась в бой, не стремилась улучшить мир, никого не ненавидела и ничего не осуждала. Все казалось ей отстраненным и гармоничным. Воспоминания наплывали на нее, и ей представлялось

порой, что она лежит на берегу Черного моря, куда они с мужем когда-то ездили отдыхать, и волны убаюкивают и ласкают ее.

Когда она возвращалась к действительности, глаза ее часто заволакивала слеза, и она говорила сыну, навещавшему ее каждый день:

-Ты подумай, какие все-таки есть люди! Ведь если бы не Юрочка, (так звали молодого медика, ее соседа в вагоне) я бы могла умереть там. Ну это может и не страшно, я- старая, но ведь он-то как рисковал, он-то мог бы сам обгореть. Какие люди! Да ты не приходи ко мне каждый день. Ты лучше с Игорьком за город съезди- ребенку воздух нужен.

И, глядя руку сына, повторяла: "Ты- хороший мальчик".

Палатной сестре, которая, прямо скажем, не баловала ее вниманием она говорила: "Деточка, да ты не беспокойся, мне правда ничего не нужно. Ты лучше к Катерине Иванне подойди, к ней сегодня никто не приходил".

Помимо сына и невестки Марию Иванну навещала ее старая подруга Людмила Николаевна по кличке Милка. Подругами они стали еще в школьные годы, и об их отношениях стоит сказать чуть подробнее.

Милка была создана для подчинения так же, как Мария Иванна для властвования. Будучи еще девочкой, Милка признала первенство Марии Ивановны, и эта субординация не нарушалась никогда. Мария Иванна без конца поучала и наставляла Милку, инструктируя, как надо воспитывать сына и как постоять за себя в схватке с мужем и сослуживцами. Нельзя сказать, что альянс их не нарушался размолвками и скандалами, совсем наоборот: и то и другое было нормой для их отношений. Да иначе и быть не могло: ведь какая же мать, жалуясь лучшей подруге на сына, потерпит, чтобы ее мальчика называли подонком и ублюдком.

И Милка хлопала дверью и в слезах клялась, что больше не переступит порог дома этой ведьмы, не позвонит ей, не подойдет к телефону... Но и переступала, и звонила, и подходила, ибо не могла жить без Марии Ивановны, так же как та без нее.

Между подругами так повелось, что у Милки всегда была в записке какая-нибудь история, изобличавшая человеческую подлость. И она преподносила ее Марии Иванне, заранее зная ритуальный финал, который состоял в том, что Мария Иванна закрывала глаза, мотала головой и произносила выразительно: « Ну все-таки какие все сволочи! » И Милка сладострастно ждала этот финал, который для них обоих был своего рода разрядкой.

Во время одного из посещений Марии Ивановны в больнице у Милки была припасена история действительно жуткая: по радио сообщили, что террористы взорвали автобус, в котором наряду с взрослыми было много детей. Пересказывая то, что она слышала по радио и видела по телевизору, Милка не сомневалась в финале.

И каково же было ее разочарование, когда, выслушав эту историю, Мария Ивановна глаза не закрыла, головой мотать не стала, а наоборот, глядя перед собой, только слегка ею покачала и сказала нечто совсем уж несообразное: " Не ведают, что творят".

Придя домой, Милка позвонила сыну Марии Ивановны и сказала, что здоровье подруги ее сильно беспокоит.

-И дело, понимаешь, не только в том, что она в последние дни как-то физически сдала. Меня даже не это беспокоит- она морально сдала. Ведь я Машу, Слава Богу, уж сколько лет знаю, и она всегда была такой человек- сильный духом, а сейчас как-то совсем раскисла.

И сын говорил: -Да, да ,тетя Люда, это- верно Я уже договорился с консультантом.

Но время шло. Основание черепа у Марии Ивановны постепенно срасталось, и дух ее креп. Первые признаки духовного

выздоровления появились, когда ей разрешили выходить в столовую обедать. (До этого она ела в основном ту еду, которую ей приносили из дома). Мария Иванна отведала суп и мягко и вполне справедливо заметила, что раньше таким пойлом постеснялись бы свиней кормить. Замечание это не касалось кого-то конкретно и было, так сказать, безадресно.

Но через пару дней она уже вполне адресно выговаривала палатной сестре по поводу смены (или вернее не смены) постельного белья.

Правда, вступалась Мария Иванна не за себя, а за трех своих сопалатниц, которые привыкли принимать жизнь как она есть и не смели подать голос.

Все они сразу же приняли лидерство Марии Ивановны и относились к ней с благоговением как к существу, готовому положить жизнь свою за други своя. Такое видение вещей подкреплялось и тем обстоятельством, что, как никак, Мария Иванна была жертвою террористического акта, а стало быть героем.

А Мария Иванна действительно готова была забыть про свои недуги и жить жизнью опекаемых ею женщин. Она была в курсе всех нюансов их заболеваний и всех подробностей личной жизни.

У Катерины Ивановны, например, плюс к расстройству мозгового кровообращения был еще пьяница муж и гулящая дочь. И Мария Ивановна говорила своему сыну:

-Ну ты подумай, неужто этой мерзавке трудно к матери лишний раз придти, ведь та в нее столько сил вложила.

Однажды Мария Ивановна даже пыталась дать рекомендации дежурному врачу, какие лекарства идут Катерине Ивановне на пользу, а какие нет. Но тот грубо оборвал Марию Ивановну, так что той пришлось замолчать и признать поражение.... Да не совсем. Уходя из палаты, уже открыв дверь, дежурный сказал, чтобы закрепить победу, что ОН здесь врач и ему виднее, какие надо назначать лекарства. И вот здесь-то Мария Ивановна, лежавшая на спине, и сказала достаточно громко и совершенно спокойно, что это, мол, конечно верно, только доктор сюда первый раз зашел, и неизвестно, когда еще зайдет, а они здесь все время вместе лежат и все друг про друга знают. Так что, когда дверь за врачом закрылась, то неясно было еще на чьей стороне победа, и уж сопалатницы-то, безусловно, считали, что победила Мария Ивановна.

Но время, повторяем шло, и день выписки приближался.

Забирать Марию Ивановну из больницы приехал сын вместе с

невесткой и Милкой. Прощание с сопалатницами было сердечным и трогательным.

-Какой человек! - говорили они сыну- Не представляем, как мы тут без нее будем.

Мария Иванна дала каждой из них наставление, проинструктировала Катерину Иванну, как вести себя с гулящей дочкой, пообещала заходить-проведывать и отбыла, сопутствуемая грустными взглядами и вздохами.

И вот снова Московские улицы, от которых Мария Иванна уже успела отвыкнуть, снова заторы у светофоров.... "да что же этот милиционер заснул что ли, почему не дают зеленый?"....снова ремонтные работы посередине проезжей части, снова ВДНХ, Проспект Мира.....При выезде на Садовое кольцо какой-то Мерседес так грубо подрезал Жигули, что сыну пришлось резко затормозить, чтобы не врезаться в него.

-Какая сволочь !- воскликнула Мария Иванна, и все ехавшие в машине поняли- она поправилась окончательно.